

ТВОРЧЕСТВО МОЛОДЫХ

БЕСПОКОЙСТВО
МЫСЛИ

НА ОБНАЖЕННОЕ пространство сцены, освещенное лучами юпитеров, выходит человек и, четко фиксируя мысль и слово, словно диктует невидимой машинистке, начинает рассказывать «эту давнюю, достаточно обычную и много раз описанную историю». Историю о длинном-длинном солнечном дне и о влюбленной девочке, с которой можно было разговаривать, как с самим собой, потому что она всегда все понимала. Но верилось, что основное счастье еще только будет, а это — «так, тоже счастье», которым можно пренебречь во имя ослепительного завтра. И девочке пришлось исчезнуть, оттесненной важными делами и интересными людьми, стать сюжетом в цепи последующих лет.

Из сюжета возникла повесть, потом и фильм, а теперь человек на сцене, возможно, готовит новый сценарий — о том, как этот фильм снимался.

С тоской и сожалением разглядывая из будущего свою прошлую жизнь, чуть ли не по минутам воскрешая «длинный-длинный день, когда мы были счастливы», он совершает новое предательство: ведь и этой гармонии суждено быть расчлененной на кинокадры сомнительного вкуса. Убийство любви — сколько потом ни уговаривай себя: «Мы все убиваем тех, кого любим» — оборачивается самоубийством — и творческим, и нравственным. В опустошенной душе умирает художник. Место его занимает ре-

месленник, которому уже не вырваться из «безумного, безумного коридора». Воспоминания — на поток! Почему бы и не поддумывать их счастливым финалом, как того требует конъюнктура? Да и вообще — была ли девочка? Существует ли любовь?..

«А существует ли любовь? — спрашивают пожарные» — весенняя премьера Театра драмы имени Пушкина. Постановка пьесы Э. Радзинского осуществлена режиссером Н. Шейко умно и темпераментно, в едином образном ключе, на контрапункте гротеска и лирической драмы.

Во многом успех спектакля определен и исполнителем центральной роли — Николаем Буровым.

Перед ним стояла нелегкая задача. Его герой существует как бы в трех временных планах — настоящем, прошедшем (съемка фильма) и преждепршедшем (история любви) — некоем сценическом плосквямперфекте.

Молодой актер достойно справился с этой задачей. Он органичен и в логике действия, и в отношении к действию. Иногда его игра идет в трех планах одновременно, совершенно естественно и не-

заметно переходя в один план, когда давнее, опаялая живой памятью, меняется местами с сегодняшним. И нет уже писателя, анализирующего прошлое, раздраженного бесцельной суетой киностудии, — на сцене юноша, охваченный радостным удивлением любви... То растворяясь в своем герое, то размышляя вместе с ним или отстраненно наблюдая за его судьбой, актер далек от вынесения приговора. Он, скорее, даже сочувствует нравственному поражению героя и отказывается его судить, предоставляя нам с вами бросить камень, задуматься или внимательнее посмотреть в зеркало... В живом отклике зрительного зала, чуде сопереживания, без которого немислимо любое произведение искусства, — успех спектакля, исполнителя главной роли.

Имя Николая Букова появилось на афишах Академического театра драмы имени Пушкина около года назад. За это время им сыграны три значительные роли, в

которых он оправдал возложенные на него надежды, доказал свое право выходить на академическую сцену. Кроме названной постановки, это интересная и яркая работа в спектакле по пьесе В. Белова «Над светлой водой» (Георгий) и в «Тринадцатом председателе» А. Абдуллина, где, преодолев некоторую функциональность роли прокурора, он создает живой образ, исполненный гражданского звучания.

В молодом актере привлекает профессионализм в хорошем понимании этого слова. Он удивительно свободен на сцене — той свободой, что далека от развязности, ибо рождена внутренним раскрепощением, совершается в пределах четко осознанного действия.

Его удача в немалой степени обусловлена и сценическим обаянием, которое Станиславский полагал уже половиной успеха. Трудно определить природу обаяния, но, возможно, здесь оно объясняется прежде всего интел-

лигентностью, в равной мере присущей Бурову и актеру, и человеку. Интеллигентностью, которая предполагает не глубокомысленное самосозерцание, а некое беспокойство души, активность мысли, активность творческой и гражданской позиции. На актера, какой бы театр он ни являл на сцене — представления или перевоплощения, — всегда падает ответ его собственной человеческой личности.

Николай Буров — личность разносторонняя. На его столе можно увидеть сборник Паустовского и мемуары Витте, статью о живописи или хорошей музыке. Потребность постижения профессии рождает широту интересов — и кругозор, духовная культура помогают овладевать мастерством.

Когда его пригласили на роль Чтеца в спектакле Кировского театра «Пушкин», он, кроме стихов, увлекся прозой, дневниковыми записями, исследованием и мемуарной литературой о поэте. И все это не только «для роли», но и для себя, для того, чтобы удовлетворить извечное в каждом художнике стремление «дойти до самой сути».

Только диву даешься: и как это он все успевает! Друзья и знакомые знают: его можно застать дома утром до десяти и ночью около двенадцати. Все остальное время подчинено четкому ритму работы: репетиции, запись на радио или телестудии, спектакли. И все это не суета, обедняющая душу, — это постоянный творческий процесс, который не может закончиться

с уходом из гардероба последнего зрителя.

Воспитание зрителя, формирование его взглядов и вкусов современный театр стремится осуществлять не только на сцене, в праздничном сиянии рампы. Для сегодняшнего актера-гражданина более тесные связи со зрителем стали потребностью.

В октябре прошлого года Пушкинский театр, верный своей политике расширения поля деятельности, подписал с Домом культуры профтехобразования договор о сотрудничестве. Среди пунктов этого договора — создание театрального университета.

Николай Буров — один из его руководителей. «Когда ребята впервые пришли на занятие, — вспоминает актер, — то вопросы задавали самые фантастические. Теперь спрашивают уже по существу: над чем работает Горбачев, что такое сегодняшний МХАТ? Круг вопросов изменился, потому что изменились интересы... Театр многое может, если не все...».

При слове «театр» лицо его даже мрачнеет, он замыкается, как замыкаются многие из нас, боясь «говорить красиво» о дорогом и важном.

Побоймся же и мы красивых слов и просто пожелаем молодому актеру удачи, которая хоть и не является целью творчества, но все-таки вещь необходимая. Только договоримся понимать под удачей одержимость любимым делом, возможность проявить себя в нем.

Е. ЕВГРАФОВА